

МАРКСИЗМ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Бажанов Валентин Александрович – доктор философских наук, профессор. Ульяновский государственный университет. Российская Федерация, 432000, Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Кудряшова Елена Викторовна – кандидат философских наук, преподаватель. Ульяновский государственный университет. Российская Федерация, 432000, Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: helezzya@gmail.com

Статья представляет собой рецензию на книгу: Sheehan H. *Marxism and the Philosophy of Science. A Critical History. The First Hundred Years*. Лейтмотивом этой книги выступает убеждение, что марксизм является непротиворечивой «сверхтеорией», способной не только объяснить любые явления социальной, политической жизни, но и служить в качестве философии науки, включая естествознание. Наука представляется автору как форма социальной практики, которая позволяет обществу развиваться наиболее эффективным образом. Главный аспект становления и развития марксистской философии науки – вопрос о статусе теории диалектического материализма. По мнению Е. Шизн, марксисты задолго до Поппера говорили о важности предвидения в науке; задолго до Эдинбургской школы указывали на роль социальных интересов в науке. Автор показывает, что марксистские идеи лежат в фундаменте множества дисциплин: социологии науки, истории науки, истории техники и технологии; они оказали заметное влияние на немарксистскую мысль. Однако сталинизм и лысенковщина существенно замедлили формирование марксистской философии науки.

Ключевые слова: марксизм, диалектический материализм, философия науки, сталинизм, социальная история и философия науки

MARXISM AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

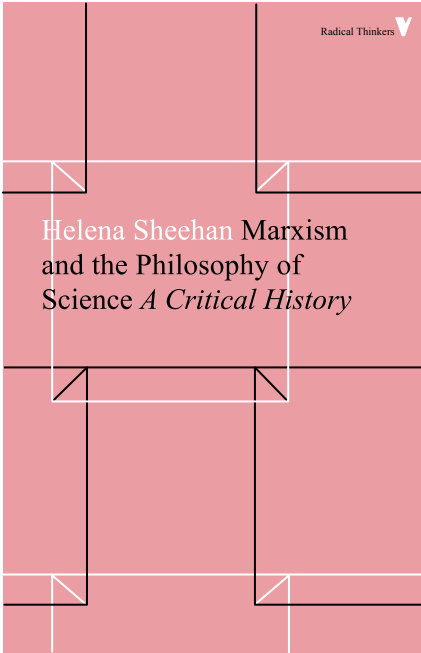
Valentin A. Bazhanov – DSc in Philosophy, professor. Ulyanovsk State University. 42 Tolstoy St., Ulyanovsk, 432000, Russian Federation; e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Elena V. Kudryashova – PhD in Philosophy, lecturer. Ulyanovsk State University; 42 Tolstoy St., Ulyanovsk, 432000, Russian Federation; e-mail: helezzya@gmail.com

This is a review of the book: *Sheehan H. Marxism and the Philosophy of Science. A Critical History. The First Hundred Years*. (L.: Verso, 2017. XII. 450 p.). The keynote of the book serves the conviction that Marxism is a sort of “super-theory” that can explain not only any social and political life, but also profound philosophy of science, including natural science. Science is presented in the book as a form of social practice. The main idea of the Marxist philosophy of science is the status of the theory of dialectical materialism. The author shows that Marxist ideas could be considered as the origins of many disciplines: the sociology of science, the history of science, the history of technology; they had a noticeable effect on non-Marxist thought as well. However, Stalinism and Lysenkoism significantly decelerated the development of the Marxist philosophy of science.

Keywords: Marxism, dialectical materialism, philosophy of science, Stalinism, social history and philosophy of science

Марксизм в СССР, на родине первого социалистического государства, где он был принят в качестве идеологии, при его распаде был если и не забыт, то быстро отодвинут на периферию философской мысли. Между тем на Западе остаются его верные сторонники, которые продолжают размышлять над судьбами и перспективами этой доктрины. Книга Елены Шизн, почетного профессора университета Дублина, –

одно из такого рода изданий. Она представляет собой преимущественно дескриптивный анализ формирования ортодоксального марксизма до Второй мировой войны, причем автор делает акцент на марксистской трактовке диалектики природы. С выраженных сциентистских позиций она проводит мысль, что не существует методологических различий между социальным и естественнонаучным познанием. Однако теоретико-методологическим проблемам социально-гуманитарного знания автор сколько-нибудь основательного внимания не уделяет.

И все же автор стремился представить широкую панораму мировой марксистской мысли. В ходе работы над книгой он кон-

сультировался со многими отечественными и зарубежными философами: И.А. Акчуриным, К.Х. Делокаровым, С.Т. Мелюхиным, М.Б. Митиным, Т.И. Ойзерманом, Ю.В. Сачковым и т. д., Г. Герцем, У. Рёзебергом (ГДР), Р. Рихтой (ЧССР), В. Краевским, П. Штомпка (ПНР), М. Марковичем (Югославия), М. Вартофским, Л. Грэхемом, Э. МакМуллином, М. Корнфортом, У. Ньютоном-Смитом, Р. Харре (США и Великобритания), если назвать только самые известные имена.

Марксизм, согласно Е. Шиэн, является непротиворечивой «сверхтеорией», способной объяснить любые явления социальной, политической жизни, экономической и технологической сфер или процессы в естествознании, а диалектика Гегеля является универсальной с той точки зрения, что она способна концептуально описать любой процесс. Идея развития для естествознания же была чуждой. Именно поэтому эволюционная теория Дарвина стала для основателей марксизма такой важной в смысле эмпирической основы и, согласно Энгельсу, своего рода предпосылкой их учения (хотя сама теория появилась позже формулировки ключевых идей марксизма).

С точки зрения Шиэн, неверно думать, что диалектическая методология предполагалась Марксом лишь для анализа истории и социума. Он искал возможность приложения диалектики к описанию природы так, чтобы эволюция природы была естественным основанием человеческой истории. Энгельс смог воплотить в жизнь эту установку и предложил говорить о «диалектике природы».

Поэтому увлечение марксистов эпохи Второго Интернационала неокантианскими идеями, согласно Шизн, является отклонением от первичного замысла основателей марксизма. Многие последователи неокантианства среди марксистов разделяли идею о том, что методы естественных наук и методы гуманитарных наук различны [Sheehan, 2017, p. 71]. Именно поэтому марксизм, в смысле политической и социальной теории, сформулированной Марксом, и теория Энгельса о естественной природе стали восприниматься как идейные концепции различной направленности. Если социальная теория Маркса объясняет многие социальные процессы и полезна для определения политического курса, то теория Энгельса в определенном смысле является лишней для тех, кто борется за права рабочих. Конфликт между сторонниками этой позиции и марксистами, убежденными в необходимости диалектического материализма, определил споры этого времени по вопросу философии науки.

Сложной и неоднозначной в книге представлена история русского марксизма: идеи большевиков в определенной степени привлекали не только последователей РСДРП, но и «легальных марксистов» и сторонников идей «экономического детерминизма». Отдельное внимание автор уделяет вопросу противоречий между махистами и ленинцами по вопросу отношения к теории научного познания и места диалектического материализма в философии науки. Реабилитация первичного замысла основателей марксизма происходит, по ее мнению, именно в русском марксизме, в среде большевиков и благодаря философским размышлениям В.И. Ленина. Автор видит здесь не только и не столько политический смысл, но и возможность развития диалектического материализма.

После Октября 1917 г. становление русского марксизма интенсифицируется. В ходе многих споров, как правило, болезненных и жестких, между партийными деятелями, учеными, которые имели интерес к политике или не имели его, диалектический материализм стал восприниматься «сверхтеорией» описания науки [Sheehan, 2017, p. 203–204].

Марксистские идеи в приложении к философии науки стали переходить границы Советского Союза. Одним из важнейших событий начала 1930-х стало выступление советской делегации на Втором международном конгрессе по истории науки и техники. В последующем изложении автор не раз обращается к вопросу, как и в какой степени доклады советской делегации повлияли на становление того или иного мыслителя-марксиста. Однако сталинизм и лысенковщина положили конец всяким спорам и, прочно утвердив монопольное положение диалектического материализма в жестком ортодоксальном виде, не позволили развиваться этой теории пластично и потому эффективно. Особенно серьезным удар оказался по советской генетике: исследования в этой области были фактически свернуты.

Сталинизм также стал препятствием для развития свободной дискуссии о диалектическом материализме между учеными и философами, которые имели отношение к Коминтерну. В последней части книги Шиэн уделяет значительное внимание формированию идей «ортодоксального» марксизма в Европе – Венгрии, Италии, Англии, Франции – а также в США. Она отмечает, что экспансия марксистских идей тормозилась политическим давлением со стороны Советского режима, что во многом объясняет, почему эти идеи в конце концов оказались забытыми.

Шиэн убеждена в том, что существует тесная связь между политикой и философией, философией науки и практикой научного исследования. Политические предпочтения определяют философские убеждения, а они, в свою очередь – ракурс понимания научного знания и его места в культуре. При этом для автора вопрос направления этого определения – от политики к философии и к интерпретации науки или от научного исследования к философии, а затем к политике – является фактом биографическим, или профессиональным, или даже традиционным для той культуры, к которой относит себя автор.

Так, на страницах монографии встречается характеристика ученых, которые нашли в диалектическом марксизме философское обоснование своих ожиданий, сформированных в «лаборатории» (например, Дж. Холдейн, Дж. Бернал, Х. Леви, Л. Хогбен, Дж. Нидам), и философов-марксистов, которые исходили из убеждения в том, что диалектический материализм с необходимостью должен описать развитие научного знания [Sheehan, 2017, p. 384]. Для мыслителей во Франции привлекательной стала идея рациональности в марксизме в отношении внедрения результатов научного познания в социальную, экономическую, технологическую и управленческую практику.

Шиэн подчеркивает мысль, что наука является формой социальной практики, которая позволяет обществу развиваться наиболее эффективным образом. Поэтому научное знание должно стать фундаментом современного мировоззрения, способным опрокинуть религиозный, идеалистический и экзистенциальный подходы к познанию мира, во многом тормозящие эффективное развитие общества.

Дилемма, которая беспокоит автора, заключается в том, может ли сама научная картина мира сформировать такое мировоззрение или необходимо сформировать особое мировоззрение, в котором в качестве ее фундаментальной части будет научная картина мира. Может ли научное знание быть формой мировоззрения или необходимо мировоззрение, полностью когерентное научной картине мира? Шиэн уверена, что мировоззрение должно характеризоваться целостностью, то есть все его элементы – политические предпочтения, философские убеждения и подход к профессиональной деятельности – должны составлять собой структуру, базирующуюся на одном фундаменте. В от-

ношении профессии ученого это общее правило должно быть таким же: политические предпочтения, мировоззрение, подход к философии науки и направление научного поиска должны формироваться синхронно. Этой установке, по мнению Шиэн, отвечает только марксизм. Социализм в вопросе распределения материальных благ позволяет иметь к ним доступ широкому кругу лиц. Наука может предоставить конкретные результаты, которые можно использовать в этом распределении. А чрезвычайная заинтересованность общества в результатах науки будет стимулировать научный прогресс.

Шиэн критически относится к убеждениям марксистов, считающих, что наука является надстройкой капитализма и потому новое социалистическое мировоззрение должно нейтрально относиться к науке как явлению более раннего (менее прогрессивного) социального порядка.

Марксизм является средой формирования идеи единства политики, философии и науки, но конкретный результат марксизма в этом отношении – философия диалектического материализма. Поэтому главный аспект становления и развития марксистской философии науки – вопрос о месте теории диалектического материализма. Социализм, как он представлен в марксизме, предполагает материалистическое описание мира. История марксистской философии науки – это череда сменяющих друг друга дискуссий. В их центре вопрос: можно ли представить становление естественнонаучной картины мира вне всякой философии, чтобы этого было достаточно для обоснования материализма, или диалектический материализм как философия должен определять инструментарий описания науки в историческом аспекте и практике научного познания?

Шиэн поддерживает линию диалектических материалистов, причем она убеждена, что именно в этом и состоял первичный замысел классиков марксизма. Между тем традиционные для философии науки вопросы роста научного знания и истории науки – то есть насколько эффективен этот подход в их решении – остаются на втором плане.

Исследование Шиэн в самом общем смысле представляет собой объяснение, как идеи диалектического материализма установились, как и кем принимались в качестве «сверхтеории». Многие из марксистов постулировали эффективность этой теории. Однако конкретные наработки были у немногих, например, по истории науки Б.М. Гессена, А.Ф. Иоффе, Н.И. Вавилова, В.Ф. Миткевича¹, стимулом становления научной теории диалектический материализм стал для Дж. Холдейна, который предложил теорию происхождения живого из неживого, или Дж. Нидама, который с экстерналистских позиций изучал науку в Китае [Sheehan, 2017, p. 330].

¹ Шиэн неверно приводит его инициалы.

Шиэн далека от убеждения в том, что марксистская философия науки – это однажды сформулированная и навсегда данная теория. Напротив, дискуссии и споры между марксистами являются эффективными для становления теории. Здесь она касается разногласий между Д. Лукачем, К. Коршем и А. Грамши, которые стали важными факторами в развитии диалектического материализма [Sheehan, 2017, p. 255]. Именно в этом отношении сталинизм и лысенковщина, ликвидировавшие формат свободной дискуссии, воспрепятствовали формированию марксистской философии науки и определили разрыв между поколениями марксистов [Sheehan, 2017, p. 418].

В стремлении преодолеть предубеждения по отношению к марксистской философии науки Шиэн обращается с вопросом об освещении некоторых проблем к главным «конкурентам» марксистов на этом поле – к позитивистам. В ответ на обвинения в вульгаризации и мистификации науки при использовании диалектического метода она старается обосновать узость позитивистского подхода к анализу науки, включая представителей Венского кружка, многие из которых, как известно, придерживались левых взглядов [Sheehan, 2017, p. 402]. Это проявляется в том, что, по мнению автора, позитивизм предлагает рассматривать науку отдельно от иных (политических, экономических, социальных) сфер человеческой активности. Идеи тех постпозитивистов, кто обращается к этим проблемам, согласно автору, существенно вторичны, поскольку лишь повторяют то, что фактически уже сформулировано Энгельсом: «...задолго до Куна мы [марксисты] знали, что наука представляет собой сложную социальную систему, разновидность человеческой деятельности... Задолго до Поппера мы говорили о важности предвидения в науке... Задолго до Эдинбургской школы мы указывали на роль социальных интересов в науке... Марксистские идеи сформировали фундамент множества дисциплин: социологии науки, истории науки, истории техники и технологии; они оказали заметное влияние на немарксистскую мысль, например, на К. Манхейма и Р. Мертона» [Sheehan, 2017, p. 4].

Книга Шиэн наводит на размышления о природе выбора стратегии исследования. С одной стороны, экстраполяция некоторых идей на проблемы философии науки оказывается чрезвычайно эффективной, с другой же – принятие некоторой теории заставляет искусственно «подтягивать» к ней результаты исследований, например не обращать внимания на «аномалии», которые не вписываются в теорию. С одной стороны, возникает вопрос, может ли существовать любая дисциплина без принятой базисной теории, с другой же – что должно стать основанием этой теории – конкретные наблюдения и обобщения или разделяемые заранее (в том числе политические) убеждения.

Е. Шиэн лично испытала некоторые «прелести» марксистской публикационной практики. Когда она подала статью в международный журнал «Проблемы мира и социализма», издаваемый в Праге, то главный редактор этого журнала И.Т. Фролов настолько «варварски» отредактировал ее текст, что многие утверждения Шиэн изменили свой смысл на противоположный [Sheehan, 2017, p. 432]. Это явилось последней каплей, которая заставила ее выйти из коммунистической партии, но тем не менее сохранить искреннюю преданность этому учению.

В послесловии 2017 г. она заключает, что марксизм потерпел лишь временное поражение, что «битва еще не проиграна» [Sheehan, 2017, p. 433], что «...в последнее время влияние марксизма затенялось различными модными течениями – от неопозитивизма до постмодернизма, эскалацией коммерциализацией науки, но неизменно марксистская мысль проливает свет и вносит ясность в темные и мутные вопросы... Я продолжаю верить, что ничто не может заменить марксизм в познании природы науки, да и много другого за ее пределами» [Sheehan, 2017, p. 442].

Подход Е. Шиэн к философии науки будет убедительным для тех, кто согласен принять три условия. Во-первых, социализм является наиболее прогрессивной и эффективной формой общественного устройства, во-вторых, социализм предполагает последовательное материалистическое истолкование мира, и, в-третьих, материализм может быть только диалектическим или же недиалектическим (метафизическим в марксистской терминологии). Ясно, что эти условия сами должны быть поняты в определенном историческом контексте, сквозь призму евросоциализма и евромарксизма, но они все равно налагают слишком сильные ограничения на социальную теорию и историю и философию науки.

Список литературы / References

Sheehan, 2017 – Sheehan, H. *Marxism and the Philosophy of Science. A Critical History. The First Hundred Years*. London: Humanities Press, 2017. 456 pp.